

Быль заглохшего сада

А. Тарунов

*Стремись завидною к познаниям стезею,
Но в шестви своем умерен будь.*

М. М — в (М. Милонов?),
«Вестник Европы» за 1810 г.

Поблизости от Москвы на обочине светливого Владимирского шоссе стоят примерно в полуверсте друг от друга одинаковые каменные ворота начала прошлого века. Приземистые столбы с глубокими нишами, где раньше дежурили благосклонные мраморные аллегории, служили постаментами для встревоженных чугунных орлов, готовых вспарить над верхушками леса. Вместе с этими изваяниями запропастились бог весть где и запиравшие въезды металлические решетки из легких прутьев, заточенных вроде козацких пик.

Сразу за воротами прячутся низкие сторожки, благозвучно нареченные кордегардиями, и берут начало симметричные дуговые аллеи, отороченные вереницей старых вязов. Им сопутствует, плавно заворачивая, просевший местами вал, захваченный сорной травой и случайным кустарником. Это невысокое препятствие держит в объятиях обширную зеленую вольтеру с прудиком и островком на нем, служившую в прошлом зверинцем. Вне очерченного насыпью рубежа высятся стволы могучих деревьев, за которыми едва просматривается зеркаль-

Парк в усадьбе
Горенки

Горенки.
Северный фасад
усадебного дома

ная полоска запруженной речки Горенки и растянутые по ее берегу каменные теплицы. Едва приближаясь к этим полезным, но давно позаброшенным усадебным затеям, полуциркульные въездные дорожки постепенно уводят от них и там, куда не донестись посторонним звукам, смыкаются перед затененным в елях трехэтажным дворцом с классическим портиком.

Много лет назад в распахнутые настежь окна гостиной обозревал благоухающие вокруг цветники сосредоточенный владелец усадьбы граф Алексей Кириллович Разумовский. Наслаждаясь созданным за годы усердных трудов великолепием своего сада, он проводил дни в размышлениях об окружающей человека природе, которая представлялась ему хитро устроенным организмом, живущим по правильным, но скрытым пока от людей законам.

Казавшийся невозможно высокомерным, граф Разумовский нелюбимо жил в Горенках в окружении всевозможных травников, засушенных цветков и стрекоз. Усиленно приобщаясь к таинствам природы, граф не признавал праздности, предпочитая неотъемлемым барским увеселениям вдумчивые ученые занятия. Он терпеть не мог докучливых соседей и даже перед близкими родственниками, тяготившими его своим присутствием, предстал чаще всего нетерпеливым и раздражительным.

В светском обществе странный граф не вызывал симпатий с тех пор, как оставил семейное гнездо Перово, обустроенное на зависть его знаменитым дядей Алексеем Григорьевичем Разумовским в пору молодых и страстных забав с императрицей Елизаветой Петровной.

По установившемуся правилу граф Алексей Кириллович ежеутренне выходил в парк и гулял там несколько часов, слушая ликование пернатых и придиричливо наблюдая за старанием рачительных садовников. Деревья и кустарники свозились в Горенки из многих близких и отдаленных мест, в особенности из Малороссии, причем в невообразимых количествах. На неугомонные садовые затеи граф не скупился и готов бывал превратить в рассаду весь свой несметный годовой доход. Доставляли в Горенки и редкие тропические культуры, для которых Алексей Кириллович задумал строить отдельный дом с восьмью углами и стеклянной крышей вроде тех, что доводилось примечать ему во время отроческих путешествий по заграницам.

Граф взял к себе толкового архитектора, который вычертил генеральный план усадьбы, нарисовал, каким должен быть дворец. Он забавно придумал расположить оранжереи для померанцев под бельведером, а также и во флигелях, делающих обращенное на террасу полукружие, что вместе составляло более тридцати пяти саженей. Террасу эту

Алексей Кириллович желал оставить мраморными вазами для цветов и изящными статуями итальянской работы...

О служившем у Разумовского зодчем достоверно ничего неизвестно. В переписке отца и сына сообщается, что кандидатуру садовника для Горенок подыскал, как будто в Вене, бывший графский воспитатель Дитцель.

«В садовнике, недавно сюда приехавшем, я нашел человека не только в своем ремесле знания много имеющего, но, сверх того, архитектора изрядного и весьма искусного во всякой земляной работе», — хвалился Алексей Кириллович.

Весьма вероятно, что этим очаровавшим графа искусником был подававший надежды улыбчивый итальянец Адам Менелас, блеснувший самобытным талантом в Горенках и соседней усадьбе Пехра-Яковлевское, а затем переманенный в императорский Петергоф и дополнивший его, хоть это представлялось невозможным, новыми оригинальными сооружениями.

Прогуливаясь по горенскому саду, граф Алексей Кириллович любил беседовать с архитектором, советуясь, как со-

ставить воды, где проложить аллеи, устроить павильоны, беседки, мостики, миниатюрные языческие храмы и руины. Граф нередко давал себе труд вникать в различные расходные сметы и доходить до всякой мелочи. Он не упускал случая выискать какое-нибудь упущение и строго отчитать виновного. Любил граф порассуждать о качестве кирпича, о достоинствах и недостатках новейших устройств для отопления и полива теплиц, осмотреть перед посадкой семена и саженцы, показывая при первом же поводе свою разностороннюю осведомленность в практических делах.

В дни тоскливого ненастья, когда не хотелось показывать носа на улицу, Алексей Кириллович пропадал в огромном кабинете на бельэтаже, сплошь уставленном кадками с карликовыми деревьями, и напрягал пытливым ум в разборе трактатов, регулярно доставляемых из многих стран. Более всего занимали его новейшие сочинения известных естествоиспытателей. Сочинения швейцарцев Ламарка и Галлерна, французов Турнефора, Валльяна и Бюлляра, немца Рота пополнили в эти годы обшир-

Горенки. Вид на усадьбу с юга

ную уже тогда графскую библиотеку. Даже в минуты кажущейся оцепенелости думы не уносили Алексея Кирилловича далеко от своего сада. То и дело поднимал он глаза на купол потолка, где был устроен хитрый компас, показывавший обращение ветров, и, не вставая с кресла, понимал, что происходит снаружи.

Однажды Разумовский пришел к заключению, что Горенкам необходим ученый ботаник. Знания без практики мертвы, и графу хотелось найти им применение в собственном огороде. И тут, как нарочно, занесло его в Английский клуб, где попечитель университета любезный граф Муравьев рассказывал присутствующим о только что аттестованном в профессора ботаники и химии Медицинской школы некоем Фридрихе Стефане, бывшем военном лекаре. Стефан поступил на русскую службу в двадцать шесть лет и сразу отправился доктором в выступившую против турок армию Потемкина. Затем его перевели дивизионным доктором в армию Румянцева-Задунайского, с которой он также был в сражениях с неприятелем. Познания Стефана в фармакологии казались Муравьеву столь обширными и глубокими, что он возмел намерение поручить в ведение нового профессора весьма запущенный университетский сад за Сухаревой башней.

Несколько лет подряд Стефан регулярно навещал Горенки, давая практические советы графским садовникам, ставя опыты по акклиматизации теплолюбивых растений. Алексей Кириллович всякий раз призывал профессора. Их разговор почти всегда сводился к Трианону, знаменитому версальскому дворцу и саду Людовика XIV и его трем любимым садовникам братьям Жюссё. Один из них, Бернар Жюссё, прославился тем, что открыл принципы будущей ботанической науки, установив естественную классификацию растений.

Под наблюдением профессора и все чаще появившихся в Горенках адъюнктов и студентов университета сад Разумовского постепенно превращался в наглядную картину системы Жюссё. Растения, какие только могли зимовать рассажеными в открытом грунте, располагались на грядках «по гармоническому средству оных» и занимали обширную площадь перед главной оранжереей. В этом здании около сорока фунтов вышины произрастало не менее трехсот редких тропических деревьев, особенно ценимых Алексеем Кирилловичем.

«В числе самых редких деревьев должно заметить винтообразную пальму, Драконову кровь, Ямайский кедр, Бамбук, Американское масличное дерево,— описывал диковинную постройку один из самых любознательных русских людей,

путешественник и дипломат Павел Петрович Свиный.— Большая часть растений расположена в семи отдельных корпусах, заключающих шестнадцать оранжерей, из коих одиннадцать разных температур и пять теплиц. Здесь переходишь из Африки в Азию, из тропиков одним шагом очутишься у полюсов! Какое очарование, какое наслаждение переноситься столь правдоподобным образом из одной крайности мира в другую; взирать на быстрые изменения природы в органических существах, сближенных дерзновенною рукою смертного».

«Удовольствие сие должно быть приятнее для ботаника,— авторитетно судил завязтый рассказчик о саде Разумовского.— Я чувствую это по себе, встречая здесь с необыкновенным восхищением знакомые мне произведения Америки. Смотря на магнолию, на тюльпанное дерево, как на старых моих приятелей, сверх настоящего наслаждаюсь еще воспоминаниями...»

Университетские профессора и адъюнкты продолжали охотно ездить в Горенки, жили там месяцами, получая полное довольствие и все необходимое для научных опытов. Для «испытания природы» усадьба Горенки Разумовского представляла собой удобный полигон. Ботаники знали в Горенках лишь одно неудобство — они полностью зависели от Алексея Кирилловича, чьи амбиции распространялись на все их занятия. Граф бывал порой несносен, возмнив себя главнокомандующим на горенских грядках.

Высший свет быстро привык к тому, что о растениях для Горенок Алексей Кириллович печется куда больше, чем о родных детях, и перестал осуждать его за самодурство. Как исключительный оригинал, великовозрастный фельдмаршальский сын считался любопытной московской достопримечательностью, коей потчевали неотесанных провинциалов.

Пользуясь своими давними связями, Разумовский оказал помощь профессору Георгу Лангсдорфу определиться на корабль капитана Крузенштерна «Надежда», отправившемуся в 1803 году в полное приключений плавание вокруг света. Пробыв в путешествии почти год, ученый сошел на берег в пустынной местности Северной Америки для изучения флоры этого отдаленного края. Спустя несколько лет Лангсдорф воротился в Россию и преподнес Разумовскому образцы добытых в опасном путешествии трав и растений, а также немалое количество семян, которые были высажены в Горенках. Не без расчета, сохранявший известное влияние в верхах граф настойчиво рекомендовал назначить «Лангсдорфа Григория Ивановича» русским

Горенки.
Колоннада
усадьбы

консулом в Рио-де-Жанейро. Назначение состоялось, и консул Российской империи стал одним из самых активных научных корреспондентов Горенского сада. В 1812—1820 годах сюда поступили редчайшие ботанические сборы из Бразилии, неведомый в России посадочный материал.

В доме на Гороховом поле и в Горенках замечали новые лица из молодого племени университетских ботаников. Место главного садовника Горенок Алексей Кириллович предоставил двадцатидевятилетнему профессору ботаники Ивану Редовскому, старшему из всей компании. Разбором гербария занялся немец Панснер, а зоологией англичанин Адамс, родившийся в России.

«Примечательней и приятнее всех мне казался Редовский,— отзывался побывавший тогда у многих московских вельмож чиновник Федор Вигель.— Это был человек кроткий, влюбленный в науку, при весьма незавидном здоровье...»

Редовский управлял Горенками непродолжительное время, но оставил по себе благодарную память. При нем не заставили себя ждать первые значительные успехи интродукции растений из Китая, Индии и Америки. Не менее трудным оказалось вырастить в средней полосе хладолюбивые деревья Сибири. Собрание сибирской флоры было любимым детищем Редовского, подобного не имелось ни в одном ботаническом саду Европы. Главному садовнику удалось побудить коллег к научным занятиям и углубить их уровень, особенно по систе-

матике растений. Отличаясь удивлявшей современников работоспособностью, Иван Редовский изучил детально Горенский сад, описал каждую былинку и составил первый систематический каталог, где зафиксировал три тысячи растений, исключая местную флору. Деятельный профессор наладил переписку с коллегами в Европе, ввел регулярный обмен ботаническими образцами. И смело можно утверждать, что сведения о русской флоре начали распространяться в мире именно из Горенок. Ботанические и минералогические коллекции графа Разумовского обращали внимание всех без исключения иностранных путешественников.

В 1805 году Редовский и Адамс с благословения графа предприняли путешествие в Китай в составе посольства графа Головкина. Миссия эта для дипломатов оказалась неудачной — китайцы не пустили обоз в глубь страны, задержав его в Урге. В холодной монгольской степи путешественники застряли надолго, но времени не теряли, пополняя свой научный багаж. Наконец, убедившись в бесперспективности дальнейшего пребывания в составе посольства, профессор Редовский покинул Головкина и вернулся в Иркутск. Оттуда он направил свой путь в северную Забайкалье, далее по Лене в Якутию, забираясь все дальше в глубь неведомого сурового материка. Со множеством вьюков он перешел Алданский хребет и спустился к Удскому острогу. Затем он появился в Охотске, в начале 1807 года его видели в Гижигинске,

откуда он собирался дойти до Камчатки. Достигнуть поставленной цели следопыту не удалось, он бесследно сгинул в пути — то ли погиб от жестокой лихорадки, то ли утонул на опасной речной переправе. В столице Камчатки неисповедимыми путями оказались тяжелые ящики профессора, с которыми местные начальники не нашли как поступить...

Работы собирательской и описательной у Разумовского в Горенках было столько, что с ней не справлялись в полном объеме трудившиеся здесь профессора ботаники и медицины. В графском штате значились по документам один главный садовник профессорского звания, от трех до пятнадцати простых садовников, профессоров или адъюнктов, и около сотни подсадовников, нанимаемых сезонно или исполнявших разные поручения за поденную плату. Немалое жалование выплачивалось хранителям графского гербария и минералогического кабинета, а также библиотекарю, который нес обязанности личного секретаря Алексея Кирилловича. Забегая несколько вперед, должны сказать, что замечательная библиотека Горенок в части естественнонаучных трудов не пропала, а целиком влилась в громадную библиотеку созданного после смерти Разумовского императорского Ботанического сада в Петербурге, а следовательно, служит ученым по сей день.

Для садовой библиотеки и естественно-исторического музея в Горенках граф приказал выстроить особые каменные строения. В этих несохранившихся доньше уютных зданиях ежедневно занимались профессором. Здесь же хранились всякие редкости и окаменелости. Особую ценность имел купленный графом большой гербарий, собранный в XVIII веке во время путешествия по Сибири известным российским академиком Палласом. Неподалеку, на берегу большого пруда, был выстроен тогда же семинарий — специальное хранилище для семян, где, кроме обычных для средней полосы, имелись и тщательно сберегались семена редкие и даже никому не известные за пределами сада. При входе в усадьбу близ восточных ворот существовал в ту пору «развадник», иными словами, питомник, где можно было получить многие редкие растения за умеренную плату.

В научных лабораториях Горенок не просто копились привозимые со всего света образцы природы, внимательно разбирались и систематизировались, составлялись подробные научные описания, готовились для печати каталоги. В одном из номеров «Вестника Европы» можно было прочесть об учреждаемом в усадьбе

Разумовского фитографическом обществе, ставившем цель распространить знания «посредством теснейшей связи с ботаниками всех стран света». Общество предлагало «всем прилежным исследователям сей занимательной науки» доставлять в Горенки свои сведения для внесения в ежегодный том готовящихся к изданию «Записок». Книгу предполагалось снабдить нужными для объяснения предмета рисунками, причем обещалось, что доски для гравюр «будут вырезываемыми преимущественно художниками, служащими на жалование президента». Надо ли говорить, что президентом общества мог быть только граф Алексей Кириллович.

...Шумный успех и внимание, сопровождавшие появления графа Разумовского в московском обществе, подали Сенату мысль предложить его кандидатуру на ставшую вакантной в 1807 году со смертью графа Муравьева должность попечителя университета и московского учебного округа. Прежняя репутация вольнодумца как нельзя лучше соответствовала либерализму молодого Александра I.

Но граф, как и прежде, много времени продолжал отдавать Горенкам. Интересы своего ботанического сада он соединил с интересами университета, оплачивая далекие экспедиции его сотрудников, странствовавших по необжитым уголкам империи. Ботаники в те времена были по-настоящему героическими людьми, чья миссия часто подвергалась смертельной опасности. И в 1809 году в Горенки вернулись не все. О тяжелых испытаниях рассказал доктор медицины Таушер, прибывший из обезвоженной Киргизской степи, по-современному в Казахстане, где чуть не погиб от жажды на берегу соленого Индерского озера. Следом привез богатую «добычу» минералов с Северного Урала профессор Гельм, едва не заблудившийся в бездонной пещере. В тот год так и не дождался посланного на Кавказ «отличного воспитанника Геттингена» доктора Лондеса. Пришло известие о смерти этого пытливого ученого, в сущности, еще юноши, от укуса неизвестного насекомого.

Однако жизнь заставила Алексея Кирилловича отвлечься от привычных интересов. Обязательства службы обязывали покинуть надолго Горенки и даже Москву. Графа настойчиво призывали в Петербург. В конце 1809 года граф Разумовский был найден достойным преемником престарелого министра просвещения графа Завадовского...

Выпускника Галльского университета, доктора медицины Фридриха Фишера рекомендовал Разумовскому знаменитый немецкий ботаник Шпрен-

гель, чей труд о строении и оплодотворении растений граф ставил весьма высоко. Светило науки характеризовал своего бывшего ученика, как великолепного знатока растений, обладающего прекрасным систематическим глазом и памятью. В справедливости отзыва граф убедился, когда тот пересмотрел каталог Горенского сада и дополнил его описанием тысячи новых видов растений.

Переименованный в Федора Богдановича, доктор Фишер стал главным действующим лицом в Горенках после трагической гибели Редовского. Федор Богданович не был, как его предшественники, связан с преподаванием в университете, жил безвыездно в Горенках, посвящая им свои знания и силы. На Фишере лежали все текущие хозяйственные заботы по саду. Он отдавал распоряжения о доставке дров для теплиц, которых требовалось в год четыреста кубических сажен, наблюдал за сооружением огромного резервуара для полива и установкой помпы, руководил прокладкой подземных труб, рассчитывался с поденщиками. При этом он успевал расширить сад, увеличивал число прижившихся в нем растений. Составленный Фишером к 1812 году новый каталог Горенского сада включал уже не четыре, как первый, а семь тысяч интродуцированных видов! В год французского нашествия главному садовнику исполнилось всего тридцать.

Возлагалась на Фишера также и обязанность вести переписку с зарубежными садами, откуда поступал новый ботанический материал. По обратному адресу Федор Богданович отправлял свой, чаще всего уникальный, едва успевая сопровождать его необходимыми пояснениями. На усидчивые занятия фитографией дня не хватало, и Федор Богданович в своих посланиях зачастую ограничивался классификацией рода неизвестного растения, а подробное научное описание доверял сделать получателю. В старинных лакированных шкафах гербария Петербургского ботанического сада сохранилось немало мягких бумажных папок с подшитыми Фишером листьями и стебельками, под которыми его торопливым почерком начертано не более одного-двух латинских слов. Во взятой наугад папке оказался засушенный им одуванчик из собрания Разумовского, открытый и помеченный в Горенках, тогда как описал растение и дал ему название в Копенгагене датский ботаник Хорнеманн.

Зная заветное желание гордого Алексея Кирилловича дать свое имя новому ботаническому роду, профессор Гофман, не спросив и как бы желая доставить приятное, назвал странное и ни на что не

похожее растение из Крыма «Разумовиа оксидедри». Граф незамедлительно затребовал образец растения в Петербург вместе с двумя корзинами ананасов для угощения императорской семьи. Представьте себе его негодование, когда он понял, что названия «Разумовиа» получили темно-зеленые отростки без корней и развитых листьев, растущие на можжевеловых ветках!

Через десять лет то же самое паразитное растение обнаружил в экспедиции по Кавказу независимый немецкий ботаник Маршал Биберштейн и поместил его рисунок в своей фундаментальной книге «Таврико-Кавказская флора», не подозревая о сделанном в Горенках описании. Биберштейн дал новому роду нейтральное название «Арцетобиум Оксидедри», которое употребляется поныне. Граф Разумовский получил в 1819 году книгу немецкого ботаника и, то ли к своему удовлетворению, то ли к разочарованию, не обнаружил своего имени во главе новейшего рода растений-паразитов.

Граф прилежно исполнял свою должность в министерстве до 1816 года, пока Александр I не решил вновь приблизить к себе Аракчеева и подобных ему угодливых людей. Убедившись в бесполезности многих своих начинаний, он затосковал о своих садах, подал в отставку и объявил о скором отъезде.

Стареющий Алексей Кириллович вновь оказался в Москве и затворился на пару лет в Горенках. Среди своих бесконечных цветников и возмужавших деревьев, свезенных когда-то со всего света, зажил он прежним порядком. В июле 1818 года он ежедневно слал из Горенок букеты свежих роз гостившей в Москве императрице Марии Федоровне, страстной его поклоннице. С вдовствующей императрицей, обожавшей цветы, Алексей Кириллович всегда был в приятельских отношениях. Множество растений для Горенок были доставлены в свое время из ее резиденции в Павловске. Весь двор Марии Федоровны посетил захандрившего графа в его московском доме, где примерно полдня ушло на осмотр ботанических сокровищ.

Вскоре после того старшая дочь Разумовского Варвара Алексеевна, которая не оставляла отца на старости лет, должна была покинуть Москву. Ее муж князь Репнин-Волконский получил назначение генерал-губернатором в Малороссию. Алексей Кириллович поднялся с постели и стал собираться в свои черниговские имени, пугаясь одиночества перед скорым божьим судом. Он распрощался навсегда с любимыми Горенками и перебрался в Почеп, чтобы умереть там ранней весной 1822 года на руках родных

дочерей и в окружении целой рощи воспитанников Перовских, живших здесь постоянно. Несколько лет спустя останки графа из почепского склепа были перемещены в связи с разделом имения в новгород-северский монастырь.

Через несколько дней министр внутренних дел граф Кочубей принял спешно вызванного из Москвы профессора Фишера и от имени самого Александра I поручил провести переговоры с наследниками о покупке растений из усадьбы Горенки. Самому Федору Богдановичу была предложена должность директора императорского Петербургского ботанического сада, в которой профессор прослужил двадцать семь лет кряду, устроив все по прежнему образцу. План Кочубея не удалось осуществить полностью. Из разоренной усадьбы Фишер сумел привезти в Петербург только огромную графскую библиотеку и гербарий. Массу живых растений доставить из Москвы не было никакой возможности. Нежные стебли не могли выдержать многодневной тряски в подводах.

Оставшуюся в Горенках значительную часть зеленых богатств постепенно скупили и развезли по своим усадьбам окрестные помещики. Один князь Юсупов приобрел для своего Архангельского почти все содержимое графских теплиц. Какую-то часть графских коллекций получил университетский ботанический сад.

Землю Горенок вместе с усадебными строениями приобрели купцы. Билибин, Вишняков, Волков, Третьяков сменяли друг друга в течение пятидесяти лет. Новые хозяева нашли усадьбе неожиданное употребление, и через несколько лет после смерти графа ее невозможно было узнать. Одичал заброшенный сад, а в оранжереях и даже во дворце с портиком загрохотали ткацкие станки, задымила возникшая кирпичная труба. Фабрика в Горенках действовала до конца прошлого века.

* * *

Если обойти кругом бывший графский дворец, где сегодня не ткацкая фабрика, а захудалый санаторий «Красная роза», и пройти вдоль столетних дубов мимо романтического грота, можно набрести на плотину, держащую воды речки Горенки. В глянце проточного пруда удваивается монументальная ионическая колоннада дворцовой лоджии, обомшелые ступени террасы и выразительные дуги циклопических про-

пилей, подводящих к изящным летним павильонам, будто вышедшим полюбоваться своим отражением в воде. Неохотно верится знатокам, утверждающим, что хоровада белых колонн при графе Разумовском не было или выглядели они как-то иначе, что все это впечатляющее столпотворение создано всего лишь восемьдесят лет назад...

Потратившийся на покупку Горенок богатый промышленник и большой эстет Севрюгов выбросил из дворца непотребные механизмы и с помощью неуспешного стать знаменитым молодого архитектора Чернышева заново отделал дворцовые интерьеры и обновил фасады в стиле благородного классицизма. Накануне нагрянувшей революции последний хозяин торопился вернуть Горенкам утраченный блеск, но завершить начатое ему не дали.

Лестница
усадебного дома

